
НОВЫЕ СЛОВА

Океанавт, гидронавт, акванавт

18 октября 1965 года завершился первый в мире эксперимент по изучению возможности пребывания человека на большой глубине, проведенный французскими учеными. С этого времени газеты относительно регулярно публикуют сообщения об исследовании глубин океана. И здесь наметилась интересная параллель: «...Океан необъятен и в сущности еще не познан, как космос. Кстати сказать, в изучении космоса и океана наметился некий общий подход: стремление накопить возможно больше информации» («Известия», 16 февраля 1967). Можно с уверенностью предполагать, что этот факт самым непосредственным образом отразился и на языке. Названия в новой области науки появляются под влиянием и по типу ставших очень актуальными и получивших широкое распространение «космических» наименований.

В газетных публикациях, представляющих изложение пресс-конференции, устроенной французскими учеными, погружающимися на дно, первые исследователи подводного мира называются *океанавтами* (французское *océan-autes* — см., например, «Юманите», 22 октября 1965). Ср.: «Океанавты выходят на землю» (заголовок. «Комсомольская правда», 30 октября 1965); «Шесть „океанавтов“ должны были проводить физиологические исследования, состоящие из многочисленных тестов» (там же).

Название *океанавт* в русском языке оправдывалось и поддерживалось утверждающимися и входящими в язык словами с корнем *океан* (океанология, океанологический, океанологи, океанариум и др.). Однако очень скоро в языке прессы стали появляться семантические дублиеты к этому слову — образования, возникшие на почве русского языка: *гидронавт* — «В „Бентосе“ предусмотрена специальная шлюзовая камера — дверь в океан. Через нее гидронавты смогут отправляться в путешествие по дну» («Известия», 15 сентября 1966).

Гидронавт — для современного языка образование, несомненно, закономерное, так как элемент *гидро-* очень активен в словообразовательной системе. Новообразования с ним можно встретить и в текстах свободного содержания и в терминологическом употреблении. Поэтому, если бы нужно было предсказать возможное название для лица, проводящего исследование подводных глубин, то самым вероятным вариантом следовало бы считать форму *гидронавт*. Тем не менее почти одновременно появился другой семантический дублет к *океанавту* — новообразование *акванавт*, которое впервые стало употребляться в научно-популярных текстах. Ср.: «В распоряжении

ученых остался один-единственный газ — водород, на основе которого можно приготовить еще одну последнюю дыхательную смесь для акванавта» («Известия», 12 ноября 1966); «Так может быть выход в том чтобы наполнить легкие акванавтов жидкостями кислородом, растворяя его не в азоте и не в гелии, а в жидкости?» («Известия», 12 ноября 1966).

Появление этой формы в языке можно считать неожиданным, так как элемент *аква-* выделяется лишь в очень немногих словах (аквариум, акварель, аквамарин, акватория, акваланг, акватинта, акватипия и др.). Словообразовательный потенциал основы *аква-* кажется затухающим именно по той причине, что для очень широкого круга новообразований рассматриваемой семантической группы производящей основой оказался элемент *гидро-*. Естественно было бы ожидать, что форма *акванавт* выйдет из употребления и «освободит» место закономерной *гидронавт*. Однако произошло обратное. Название *гидронавт* в последующих публикациях почти не встречается, употребление же слова *акванавт* стало активизироваться. Ср.: «Акванавт у пульта управления» (заголовок. «Советская Россия», 28 марта 1967); «Воздух для акванавтов будет поступать с понтона, который поставлен на якорь в бухте» (там же).

В языке сегодняшнего дня *акванавт* «отгеснило» своих конкурентов и употребляется в качестве единственного обозначения людей, погружающихся в водные глубины для их исследования. В многочисленных газетных сообщениях о последних экспериментах, проводящихся в СССР, для названия самих исследователей употребляется только форма *акванавт*: «Собственно говоря, все, что делают сейчас акванавты,— очень смелый и даже рискованный эксперимент» («Комсомольская правда», 7 сентября 1967); «Громкоговорящую установку не отключали, и все мы, кто стоял возле пульта, слышали спокойный голос акванавтов» (там же); «К акванавтам меня пустили не сразу» («Комсомольская правда», 9 сентября 1967); «Пять часов среди акванавтов» (заголовок. «Правда», 16 сентября 1967); «Дом лишь несколько раз дернуло, да почему-то не ответил берег, когда, проснувшись, акванавты собрались сделать очередное сообщение о своем самочувствии» («Известия», 14 ноября 1967); «В конце августа прошлого года близ мыса Тарханкут в Крыму был опущен на дно Черного моря небольшой стальной дом. Любители-подводники, которые провели несколько суток в этом доме, названном „Ихтиандр-66“, будут гордо именоваться впредь первыми советскими акванавтами» («Юность», 1967, № 1); «Я обнаружил первых в мире женщин-акванавтов на территории пансионата „Изумруд“ близ умывальника» («Юность», 1967, № 12).

Примеры употребления в языке газеты слова *акванавт* могут быть значительно увеличены. Но все они, равно как и приведенные, свидетельствуют о свободном включении слова *акванавт* в тексты, представляющие широкие, неспециальные публикации.

Небезынтересно заметить, что новые обозначения появились несмотря на то, что в литературном языке существовали названия для людей, опускающихся под воду: *водолаз* и *подводник*. Появление в этом синонимическом ряду неологизмов не нарушило сложившейся семантической дифференцированности. Слово *водолаз* продолжает использоваться лишь для названия людей, выполняющих под водой какие-либо конкретные работы, практически

необходимые задания. Ср., например: «Первым пошел на дно водолаз С. Хомяков. Став на грунт, он начал медленно продвигаться вдоль стенки набережной. Нелегко найти водонепроницаемую решетку — ведь приходится действовать почти в абсолютной темноте» («Вечерняя Москва», 30 января 1967). Слово *подводник*, кроме обозначения моряков, служащих на подводных лодках, употребляется и в значении, близком к названному выше: «Следует определить, нуждается ли мост в капитальном ремонте. В Чебоксары едут 7 человек, все опытные подводники» («Вечерняя Москва», 8 февраля 1967).

Новые слова *океанавт*, *гидронавт*, *акванавт* называют лишь людей, опускающихся под воду с исследовательскими целями.

Можно думать, что первое название *океанавт* не утвердилось в русском языке вследствие соотносительности его значения со словом *океан*; «обозначающее» не соответствовало «обозначаемому» (все испытатели погружались на дно моря). Видимо, по этой же причине возникло и название от основы с более широким лексическим значением (гидро-, аква-). Любопытно отметить, что в последних публикациях пионеров в исследовании водных глубин — французов — тоже называют *акванавтами*. Ср.: «В доме, который акванавты назвали „Диогеном“, два француза — Альбер Фалько и Клод Весли прожили семь дней» («Комсомольская правда», 9 сентября 1967).

В заключение можно сказать, что положение в языке слова *акванавт* значительно упрочилось с появлением от него новообразования *акванавтика* (по типу: космонавт — космонавтика), называющего зарождающуюся область науки, связанную с проникновением человека в водные глубины: «Сейчас важно проверить все идеи, которые обещают вывести акванавтику из тупика» («Известия», 12 ноября 1966).

Г. И. МИСЬКЕВИЧ,
научный сотрудник
Института русского языка АН СССР

НАСЛЕДСТВО КЛАССИКОВ

Прочитав «Московский комсомолец» за 10 октября 1967 года, я подумал, что в редакции накануне состоялся примерно такой разговор: «Серо, серо вы пишете, товарищи! Пишите образно, метафорами, метонимиями, синекдохами.

— Уже писали так. Надоело.

— Используйте народную мудрость. Фольклор. Пословицы и поговорки.

— Уже использовали. Мудрили.

— А наследие классиков? А художественная литература?»

И тут все схватились за голову. Как же это они дали маху с классиками.

Не знаю было так или не было, но судите сами.

В статье «Сверяя по Ленину» пишут о скептицизме у некоторой час-

ти нашей молодежи: «Пожалуй, отсюда смутное недовольство, порой овладевающее юношей, обдумывающим житье».

Зачем здесь Маяковский? Не понимаю. Да у него и не о том юноше. Ну ладно. Индивидуальное применение крылатых слов.

Под этой статьей напечатана другая — «Товар совершенно особый», о том, как торгуют книгами. Там тоже Маяковский (разумеется, без ссылок, просто скрытая цитата, украшение собственного слога): «Книга, как поэтическая строка, которая должна войти в строфу органично; чуть „нажал“ — и сломал. Что сломал? — Книгу?»

Привлекают внимание знакомые слова: «Октябрь уж наступил...». Выразительное многоточие, абзац, а затем: «Заполняются последние клеточки в турнирных таблицах чемпионов»